
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 101+316.4:316.32

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются возможные проекции роли и функций философии в культуре современного радикально изменяющегося мира. При этом философия интерпретируется не как единая и функционально монистичная система категорий и универсалий культуры, а как внутренне дифференцированная совокупность базисных концептов и их операциональных модификаций в трех основных ипостасях: философии в публичном пространстве социума, философии в формах профессионально-академического дискурса и общения, философии как образовательного проекта.

Ключевые слова: философия; функции философии; дискурс транзитивности; социальный кризис; цивилизационный транзит; философия в культуре посткоронавирусного мира.

SOCIOCULTURAL STATUS OF PHILOSOPHY IN THE EPOCH OF CIVILISATIONAL TRANSIT

A. I. ZELENKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Possible modifications of the role and functions of philosophy in the culture of the modern and radically changing world are considered. In this case, philosophy is interpreted not as a single and functionally monistic system of categories and universals of culture, but as an internally differentiated set of basic concepts and their operational applications in the three main

Образец цитирования:

Зеленков АИ. Социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:33–40.

For citation:

Zelenkov AI. Sociocultural status of philosophy in the epoch of civilisational transit. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:33–40. Russian.

Автор:

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoliy I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

hypostases of philosophy: philosophy in the public space of society, philosophy in the forms of professional and academic discourse and communication, philosophy as an educational project.

Keywords: philosophy; functions of philosophy; discourse of transitivity; social crisis; civilisational transit; philosophy in the culture of post-coronavirus world.

Современный этап социодинамики в качестве одной из отличительных своих особенностей демонстрирует перманентное нарастание нестабильности и кризисных явлений в развитии важнейших подсистем социума. Характер и масштаб этих кардинальных трансформаций дают основания квалифицировать их как существенные признаки цивилизационного транзита. Экономические и политические потрясения, охватывающие не только отдельные страны, но и целые регионы и континенты, утрата общественного доверия к традиционным политическим институтам и, наконец, пандемия коронавируса – все это стало неотвратимой реальностью современной повестки дня. Поэтому вполне понятно и объяснимо, что проблематика кризиса, дискурс транзитивности и нестабильности становятся одной из определяющих особенностей текущей культурной ситуации. Однако при этом нельзя сказать, что такой очевидный акцент на кризисных явлениях и деформациях социодинамики – нечто принципиально новое, ранее неизвестный культурный феномен. На протяжении нескольких последних столетий европейские философы и ученые предрекали неизбежное возникновение подобных катаклизмов в том случае, если человечество, вступив в эпоху перманентного умножения своей техногенной мощи, забудет о самоценности природы и погрузится в хаотичную гонку за комфортом собственного бытия и потребительским изобилием.

В ряду таких пессимистических пророков можно назвать Т. Мальтуса, П. Тейяра де Шардена, П. А. Сорокина, А. Печчеи и многих других, кто, опираясь на вековые гуманистические традиции мировой культуры и передовую научную мысль, обоснованно раскрывал ущербность данной цивилизационной стратегии.

Важно отметить, что в этом ряду приоритет всегда принадлежал философам, в идеях и концепциях которых необходимость адекватной и социально перспективной системы ценностей, способной ограждать человечество от иллюзий бездумного и неограниченного прогресса, обретала убедительную форму и мировоззренческое оправдание. И здесь нельзя не согласиться с авторитетным мнением К. Ясперса, который вполне обоснованно утверждал, что именно философия в силу своей уникальной культурной миссии способна не только адекватно осмыслить феномен кризиса и кризисного сознания, но и подарить человечеству надежду на оптимистическую перспективу. «Воля к самопониманию с универсально-исторических позиций... – писал он, – является, быть может, выражением... непоколебимого стрем-

ления к философствованию, которое в поисках своей основы взирает на будущее, не пророчествуя, но веря, не приводя в уныние, но ободряя» [1, с. 241].

В философии тема кризиса культуры и пессимистических перспектив человечества уже более 200 лет остается одной из востребованных и доминирующих. С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие уделяли особое внимание анализу кризисного мироощущения как смыслоопределяющего феномена в культуре, провозгласившей закат и «поминки» эпохи Просвещения. При этом принципиально важно подчеркнуть одно существенное обстоятельство: проблематика кризиса и апокалипсиса становится актуальной и широко востребованной именно тогда, когда разум уступает место чувственности и воле. Философия все чаще апеллирует не к просвещенной элите, хранящей профессиональную верность традиции, а к человеку массы, находящемуся во власти аффектов, страстей и безотчетного чувства страха. Именно страх и трепет, как пророчествовал С. Кьеркегор, становятся неизбывными спутниками бытия массового человека. Откликаясь на этот запрос времени, философия и культура начинают активно эксплуатировать данные темы и все более осязаемо обретать статус и форму богемной субкультуры. На смену идеалам долга, чести и профессиональной ответственности приходят ценности сиюминутных удовольствий, повседневности и карнавала. Наступает время пессимистических пророчеств, апологии страха и нигилизма.

Из практически необозримого перечня пессимистических пророчеств, принадлежащих перу известных мыслителей и философов, можно привести мнение лишь трех знаменитых авторов. Так, Э. Гуссерль отмечает: «Поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества, его свободу, понимаемую как возможность человечества обрести разумный смысл своего индивидуального и общечеловеческого бытия» [2, с. 556]. Он полагает, что из этого трагического для европейской культурной традиции состояния и «кризиса европейского существования» возможны два выхода: «закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [2, с. 666].

Тема заката Европы становится своеобразным рефреном и для другого немецкого мыслителя

О. Шпенглера. «Закат Запада, – пишет он, – феномен прежде всего ограниченный в пространстве и времени, как и соответствующий ему закат античности, оказывается, по всей очевидности, философской темой, которая, будучи понята в своей значимости, заключает в себе все великие вопросы бытия» [3, с. 128–129].

Завершить эту небольшую подборку высказываний, фиксирующих неизбежность кризиса и распада культурных форм классической европейской традиции, вполне уместно обращением к известным идеям испанского философа Х. Ортега-и-Гассета о торжестве массового человека и восстании масс как симптоматических феноменах европейской истории эпохи модерна. «Мы живем под варварским гнетом масс», – пишет он [4, с. 48]. Почему же данное утверждение автора обретает явный пессимистический смысл и придает его социальным прогнозам оттенок если и не эсхатологического пророчества, то по меньшей мере очевидного интеллектуального скептицизма? Ответ на этот значимый вопрос сформулирован Х. Ортега-и-Гассетом вполне однозначно и осмысленно: «...Европа осталась без морального руководства» [4, с. 225]. «Исчез дух традиционности. Нам уже не нужны нормы, правила и образцы. Прошлое ни в чем не может помочь нам... <...> Наряду с уверенностью в себе мы ощущаем неуверенность в своем предназначении. Наряду с гордостью за свои силы мы чувствуем перед ними же страх» [4, с. 64–65]. Нравственная и философская позиция автора представлена здесь вполне прозрачно и убедительно. И, действительно, если сон разума рождает чудовищ, то забвение традиции чревато не только утратой прошлого, но и потерей будущего. Осознание возможности такой культурной мутации в новейшей европейской истории придает размышлениям испанского философа статус не просто очередного пессимистического прогноза, а мудрого предупреждения и морального назидания.

Многочисленные события первых десятилетий XXI в. не только подтвердили обоснованность этих пессимистических прогнозов, но и придали им оттенок очевидной эсхатологичности, демонстрируя реальную деформацию устоявшихся веками норм и принципов человеческого общения, взаимодействия общества с природой и культурой. Неудивительно, что тема анализа и осмысления столь очевидных и грандиозных по своему масштабу и социокультурным последствиям изменений становится одной из доминирующих в науке, культуре и философии эпохи постсовременности. Можно привести множество примеров футурологических произведений, выполненных в самых разных творческих жанрах, в которых метаморфозы и парадоксы современной социодинамики являются предметом пристального интереса и глубокого анализа. В этом обилии предсказаний и прогнозов, как всегда, фи-

лософия во всем богатстве своего жанрового разнообразия занимает не просто заметное, а часто преобладающее место. Данное обстоятельство понятно и объяснимо, поскольку философская рефлексия всегда стремилась выходить за пределы наличного бытия и не только осмыслять и объяснять прошлое, но и прозревать будущее.

Прогностическая функция философии обычно была характерной для наиболее развитых и востребованных обществом систем философского знания. Любые профессионально фундированные философские построения в сфере онтологии и гносеологии, этики и антропологии, социальной философии и логико-методологических исследований так или иначе имманентно предполагали построение прогностических моделей, ориентированных на концептуализацию возможного будущего конкретно заданных социальных систем. При этом, как правило, такие прогностические модели базировались на предельно общих философских концептах и абстрактных допущениях.

Степень и уровень методологической инструментальности философской прогностики могут быть существенно повышены, если трактовать философию не как единую и функционально монистичную систему абстрактных понятий и обобщений, а как внутренне дифференцированную совокупность базисных концептов и их социально детерминированных приложений. В этом случае представляется перспективным выделить три различные ипостаси философии как уникального феномена культуры.

1. Философия в публичном пространстве социума. Здесь речь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в определенном типе социума, его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

2. Философия в формах профессионально-академического дискурса и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание ее природы и функций, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

3. Философия как фундаментальный компонент гуманитарного образования, комплексной системы воспитания и социализации личности.

Один из основных механизмов цивилизационной динамики, метафорически обозначенный А. Тойнби как «механизм вызова и ответа», в современных реалиях подтверждает свою безусловную актуальность. Действительно, современная цивилизация столкнулась с глобальным вызовом, обнаружив свою очевидную хрупкость и уязвимость. Конечно, следуя логике исторического развития, ответ на этот вызов будет найден, вопрос в том, каков он будет по своему содержанию и цивилизационным последствиям. Можно только предположить, что едва ли мир останется

прежним в его современной геополитической и социально-экономической конфигурации. Весьма вероятно, что и многие ценности культуры постмодерна претерпят радикальные трансформации либо вообще уйдут в прошлое. Очевидно, этот вызов коснется и философии. Во всех своих базисных ипостасях она должна измениться и обрести новые формы своей конститутивности и диалога с обществом.

Ясно, что в публичном пространстве социума голос философии должен звучать сегодня гораздо более зримо, активно и конструктивно. Такова логика момента, предрекающая кардинальную ценностную революцию, поскольку признаки эпохи «переоценки всех ценностей» обнаруживают себя с безусловной очевидностью. Неслучайно Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш назвал эту эпоху временем четырех всадников апокалипсиса. К ним он отнес высочайшую «геостратегическую напряженность», климатический кризис, растущее глобальное недоверие и «темную» сторону цифрового мира.

Во многих современных философских работах, посвященных футурологической проблематике, наблюдается акцентированный интерес именно к этим проблемам, которые находятся в эпицентре общественного внимания и публичной сферы. При этом в данных произведениях, как правило, используются не только аутентичные для философской классики языковые познавательные средства и методы мышления, но и огромный арсенал литературно-художественных форм отражения настоящего и будущего мироустройства. Так, в работах ведущих представителей неомарксистской философии (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.) можно найти симптоматичные квалификации XXI в. как эпохи «Великого отказа» от ценностей, традиций и достижений классической европейской культуры. Известный американский философ, политолог и футуролог Ф. Фукуяма также определяет наше время как эпоху «Великого разрыва». Он отмечает, что начиная со второй половины XX в. «в США – так же как и в других экономически развитых странах – постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название “информационное общество”, “век информации” или “постиндустриальная эра”» [5, с. 11]. По его мнению, «эти перемены носили драматический характер, все они имели место во многих странах, находящихся примерно на одинаковом уровне развития, и происходили примерно в один и тот же период истории. Они и создали Великий разрыв в социальных ценностях, преобладавших в обществе индустриального века...» [5, с. 13–14]. Этот феномен Великого разрыва, согласно Ф. Фукуяме, свидетельствует о неизбежных грядущих испытаниях, с которыми современная западная цивилизация неотвратимо столкнется уже в обозримом будущем. «Великий разрыв, – пишет он, – характеризуется растущим уровнем преступности и социальной дезорганизации,

упадка семьи и родственных отношений как источников социальной сплоченности и снижающимся уровнем доверия» [5, с. 89]. Такое общество, «ориентированное на то, чтобы постоянно действовать наперекор нормам и правилам во имя роста индивидуальной свободы выбора, окажется все более и более дезорганизованным, атомизированным, изолированным и неспособным выполнять общие цели и задачи» [5, с. 28].

Столь же напряженный и пессимистичный оттенок выводов и предсказаний грядущих социальных изменений характерен и для Э. Тоффлера, одного из самых известных и популярных американских философов и футурологов. Достаточно привести названия основных и важнейших его книг («Шок будущего», «Метаморфозы власти», «Третья волна»), чтобы понять критическую, а порой очевидно настороженную, если не сказать пессимистичную, тональность его предсказаний возможного будущего человечества.

Формы и методы профессионально-академического философского дискурса также должны претерпеть существенные изменения. Диалог философии и науки традиционно будет сохранен, но в его содержании появятся новые темы и акценты, связанные с высокими технологиями, их возможностями и рисками. Однако приоритетом философских исследований должны стать не только наука и технология, но и культура в целом, прежде всего, ее социально-антропологические проекции. Судьба культуры, а значит, и судьба человека в одномерном мире инструментального разума и искусственного интеллекта – вот те сакраментальные темы, которые потребуют кардинального переосмысления как языка и категориального аппарата философии, так и ее институциональной структуры.

И здесь снова уместно обратиться к творчеству Э. Тоффлера. В одной из последних своих работ «Революционное богатство» он пишет: «Революционные изменения, которые мы рассматриваем на страницах этой книги, представляют собой радикальный переворот, сравнимый с промышленной революцией, но существенно ее превосходящий, – тысячи внешне не связанных между собой изменений формируют новую экономическую систему, сопровождаемую как минимум возникновением новых стилей жизни или новой цивилизации, которую можно назвать современностью» [6, с. 7].

Уровень и характер тех изменений, в водоворот которых брошено современное человечество, настолько глобален, что, по мнению Э. Тоффлера, они приводят к радикальным переменам в нашем использовании времени, пространства, знания. Иными словами, самые фундаментальные константы цивилизации обнаруживают свою релятивную природу и становятся объектом невиданной ранее трансформации. Неудивительно, что «список потен-

циальных опасностей XXI века становится бесконечным» [6, с. 43]. В их числе глобальная экономическая катастрофа наподобие депрессии 1930-х гг.; террористические атаки с применением ядерного оружия, вируса сибирской язвы и хлорина; кибератаки на важнейшие коммерческие и правительственные компьютерные системы; катастрофическая нехватка воды от Мехико и Ирака до Южной Африки; вооруженные конфликты между соперничающими НПО; новые болезни на наноуровне; распространение методов контроля сознания; конец частной жизни; растущий религиозный фанатизм и насилие; клонирование человека. И это не считая землетрясений, цунами, бесконтрольной вырубки лесов и глобального потепления [6, с. 543–544]. Конечно же, все вышеперечисленное вызывает беспокойство и способствует распространению пессимистических и апокалиптических настроений и прогнозов. Определенную дань этим настроениям отдает и Э. Тоффлер, поэтому неслучайным в его книге выглядит следующий пассаж: «Революционные события, с которыми мы сталкиваемся сегодня, не идут ни в какое сравнение ни с обвалом на бирже или сменой режима, ни с возникновением новейших технологий, ни даже с войнами или расколом наций» [6, с. 6].

Но все же основной пафос его очередного бестселлера «Революционное богатство» далек от апологии пессимистического мировосприятия. Конечно, «быть пессимистом есть от чего», – пишет он. Но «пессимизм – это простейший способ притвориться мудрым» [6, с. 543]. Как правило, его конструктивный потенциал более чем ограничен, а то эмоциональное потрясение сознания, которое обычно вызывают пессимистические пророчества, чаще всего остается достоянием искусства и художественной традиции. Моральные сентенции римского стоицизма, поэзия лорда Байрона и Г. Гейне, музыка Р. Вагнера, философия А. Шопенгауэра и многие другие великие произведения мировой культуры убедительно подтверждают этот значимый вывод. Поэтому свой анализ эпохи постсовременности и тех тенденций ее трансформации, которые ведут к цивилизации третьей волны, Э. Тоффлер старается завершить относительно оптимистическим прогнозом. Все происходящее сегодня, заключает он, свидетельствует о том, «что наши дети будут жить в удивительном мире, коренным образом отличающемся от нашего, где будут свои преимущества, опасности и вызовы, с которыми им придется иметь дело. Нельзя сказать, что этот зарождающийся мир будет исключительно “хорошим” или “плохим”, изменится само определение этих понятий» [6, с. 551]. В любом случае, как считает Э. Тоффлер, если вторая волна привела к экономоцентризму с характерной для него идеей о вторичности культуры, религии, искусства, то революционное богатство третьей волны призвано восстановить приоритет знания и рефлексивных формообразований культуры. Экономика будет поставлена на место как органическая часть

всеобъемлющей социальной системы, в которой снова на передний план выйдут культурная идентичность, религия и мораль [6, с. 558–559].

Итак, очевидно, что современный мир вступил в фазу невиданной ранее турбулентности и нестабильности. Изменения приобретают повсеместный и тотальный характер, их масштаб и интенсивность соответствуют радикальным и революционным формам социальных преобразований. Но это вовсе не исключает поиска и обоснования тех средств и механизмов социального управления, которые позволили бы реализовать проект институционального умирения глобализации. «Глобализация должна становиться все менее спонтанной и хаотичной и все более скоординированной и управляемой» [7, с. 160]. Многополюсный мир не может позволить себе развиваться в формах стихийного нескоординированного процесса, который неизбежно приведет к кумулятивному эффекту накопления социоприродных аномалий, последовательно умножая степень социальной энтропии. Многие по-прежнему считают, что решение этой глобальной задачи возможно лишь на пути создания нового институционального порядка с помощью наднациональных структур, международных организаций и транснациональных корпораций. Иными словами, проблема должна решаться на основании принципов неолиберальной стратегии глобализации с характерными для нее ограничениями возможностей и компетенций национальных государств и передачей ряда их полномочий наднациональным и региональным структурам и группировкам. Однако события последних лет, погрузившие мир в пучину коронавирусной пандемии и беспрецедентных социальных катаклизмов, существенно скорректировали эту установку. Универсализация мировых хозяйственно-экономических связей, глобальная туристическая инфраструктура, все нарастающая интенсивность миграционных потоков и мультикультурной коммуникации в один момент натолкнулись на закрытые границы, самоизоляцию и политику агрессивного протекционизма.

Следует отметить, что и немногим ранее глобализационный постулат о неизбежном и неуклонном сокращении функций и компетенций национальных государств вызывал неоднозначную реакцию и подвергался критике со стороны различных социальных сил и исследователей современной социодинамики. В качестве весьма показательного примера такой оппозиционной точки зрения на роль национального государства в управлении процессами экономического, политического и культурного развития и регулирования их в условиях интенсификации глобальных взаимосвязей и взаимозависимостей можно привести позицию Ф. Фукуямы. Еще в 2004 г. выходит его очередная книга под весьма симптоматичным названием «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке». В русском переводе она была издана в 2010 г. В этой книге Ф. Фукуяма в противовес многочисленным адептам глобального

миропорядка заявляет, что «способность усиливать или создавать ранее полностью неучитываемые возможности государства и государственных институтов неожиданно стала главным вопросом глобальной повестки дня и, по-видимому, главным условием безопасности в важнейших частях мира» [8, с. 8]. Он отмечает, что не только для отдельных обществ, но и для мирового сообщества в целом уничтожение национальных государств – это прелюдия не к утопии, а к катастрофе. Те, кто выступает за «сумерки государственности», являясь либо поборником свободного рынка, либо приверженцем идеи многосторонних договоров, должны объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире. «За неимением ясного ответа на данный вопрос нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным» [8, с. 198–199].

Характерно, что эти идеи, изложенные Ф. Фукуямой еще в самом начале XXI в., обретают сегодня особую актуальность и звучат уже не только в жанре академических сентенций, но и в форме публицистических призывов и политических требований. Показательной в этом отношении является совсем недавно опубликованная в нью-йоркском издательстве *W. W. Norton and Company* новая книга популярного американского политолога Ф. Закария «Десять уроков для пост-пандемического мира» [9]. В ней он заявляет, что «уродливая пандемия» разрушила устои привычного миропорядка и открыла путь в новый мир. Неолиберализм прошлых десятилетий уходит в историю и должен уступить место «радикальным реформам». В число безусловных приоритетов COVID-19 возвел проблему безопасности. Отныне она становится важнейшей задачей правительства, и успешное ее решение предполагает немыслимый еще совсем недавно рост компетенций и ответственности национальных государств. Потрясенное массовое сознание, пишет Ф. Закария, требует обеспечить безопасность каждого гражданина государства, и при этом неважно, какое правительство – малое или большое, демократическое или авторитарное – будет реализовывать выполнение указанной задачи. Конечно, данный тезис американского политолога несет на себе отпечаток определенной социальной конъюнктуры и, безусловно, эмоционально ангажирован, но в нем отражается и реальный драматизм современной социальной ситуации, тех вызовов и угроз, которые столь явно и наглядно обнажил високосный 2020 г.

Существенные изменения должны произойти в философии в ее третьей ипостаси, когда она рассматривается как образовательный проект. По меньшей мере два магистральных тренда претендуют здесь на статус приоритетных.

Во-первых, это проблема цивилизационной роли образования как социального института. Насколько в современных условиях оно способно выпол-

нить функции своеобразного инновационного локомотива и обеспечить возможности системной модернизации транзитивных обществ? Этот вопрос приобретает статус одного из центральных и определяющих, когда речь заходит о необходимости выбора постиндустриальной перспективы для развивающихся социумов. Неслучайно безусловный авторитет в концепции постиндустриализма Д. Белл в качестве осевого принципа постиндустриального общества обозначает системную генерацию теоретического знания, а ведущим его социальным институтом называет университет. «Главным при принятии решений и управлении переменами стало доминирование теоретического знания, прева-лирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов...» – отмечает Д. Белл [10, с. 25]. Исходя из такого допущения, далее он определенно констатирует: «В постиндустриальном обществе важнейшим институтом выступает университет...» [10, с. 159].

Иными словами, образование, прежде всего университетское, рассматривается в качестве доминирующей социальной технологии, которая призвана обеспечить обществу устойчивый прогресс и перспективу интеграции современного человечества в цивилизацию третьей волны. Однако насколько такая перспектива коррелирует с реалиями обществ позднего модерна? В ответах на этот вопрос не просматривается сколько-нибудь определенного консенсуса, преобладает ситуация перманентной дискуссии и впечатляющего плюрализма. И все же наиболее распространенной является критическая точка зрения, согласно которой современные системы образования в большинстве своем не соответствуют вызовам постсовременности и социокультурным требованиям постиндустриальной цивилизации. Весьма симптоматичной в этом отношении является позиция Э. Тоффлера, который утверждает, что школа по-прежнему остается в тисках фабричной модели образования, отвечающей потребностям массового производства, массовой культуры, массового спорта, массовых развлечений. Ключевыми словами этой модели являются линейность, конформизм, стандартизация [6, с. 514–515].

Для экономики знаний и постиндустриальных социумов необходимо радикально реформировать существующие системы образования и ориентировать их на воспитание и профессиональную подготовку творческих личностей. Соответственно, и вся организационная и технологическая инфраструктура образования должна быть перестроена с учетом доминанты такого инновационного и креативного тренда.

В принципе, этот тезис явно не новый, и уже не раз он был озвучен на самых разных уровнях обсуждения перспектив развития современного образования. Причем в публицистических и популярных его версиях, как правило, подчеркивается необходи-

мость формировать в процессе образования творчески мыслящих и индивидуально ориентированных учащихся, которые будут способны генерировать нестандартные решения любых возникающих проблем. Соответственно, и процесс образования должен быть построен на принципах максимальной индивидуализации и учета личностных и креативных способностей каждого учащегося.

Конечно, никто не будет спорить с утверждением о том, что избыточная регламентация и бюрократическая стандартизация образовательного процесса в принципе исключают возможность создания подлинно современной и социально перспективной системы образования. Столь же несомненным является тезис о приоритетности формирования у учащихся в процессе обучения навыков творческого мышления и критической рефлексии. Однако при этом центральным остается вопрос адекватных технологий образования, которые на деле, а не в формах абстрактных деклараций будут способны воплотить в реальность подобные инновационные проекты. И здесь не обойтись без органичной взаимообусловленности новаций и традиций, без учета формирования конкретных и предметно заданных знаний и компетенций, их системной и репрезентативной конфигурации в рамках выбранной профессии. А это означает, что превратить процесс обучения в спонтанную игровую деятельность, эмоционально окрашенную в позитивные тона саморазвития, едва ли возможно. Процесс обучения всегда был и останется очевидной формой самопреодоления, нелегким и настойчивым трудом, требующим самодисциплины, энтузиазма и ответственности. Эта исконная для образовательной деятельности диалектика творчества и системного освоения традиции, овладения не только креативными методиками мышления, но и канонем определенной области знания весьма отчетливо может быть обнаружена в исторической эволюции классического университета и роли философии в конституировании его социокультурного статуса.

Во-вторых, образованию предстоит найти адекватный ответ на современный тренд, состоящий в универсализации онлайн-обучения с использованием разнообразных компьютерных платформ и ресурсов глобальной паутины. Казалось бы, здесь у философии нет выбора, кроме как интегрироваться в этот тренд и адаптировать классические формы трансляции философских знаний к современным технореалиям. Приверженцев такой стратегии сегодня очень много. В качестве весьма симптоматичного примера можно привести авторитетное мнение старшего вице-президента компании *Coursera* Л. Бельски. В своем недавнем интервью журналу *Harvard Business Review* она заявила, что перспектива образования в самом ближайшем будущем потребует осознать неизбежность доминанты конкретных навыков и компетенций перед теоретическими фундаментальными знаниями. В результате три тен-

денции определяют это будущее: фронтальное развитие онлайн-образования, создание индивидуальных программ обучения на основе использования искусственного интеллекта и интегральных академических экосистем, активное взаимодействие образования и бизнеса. Нетрудно заметить, что такая перспектива развития образования во многом напоминает американскую образовательную модель, в которой философия занимает весьма скромное и отнюдь не доминирующее положение.

Конечно, в данном вопросе нет единой и преобладающей точки зрения. Скорее наоборот, вынужденное в условиях пандемии активное использование онлайн-технологий на всех уровнях образовательной деятельности еще более обострило споры и дискуссии по этой проблеме. Не только гуманитарное, но и гораздо более адаптированное к современным компьютерным технологиям естественно-научное образование демонстрирует очевидные их границы и недостатки.

Таким образом, социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита во многом будет определяться как имманентными для самой философии закономерностями и механизмами ее развития, теми традициями, которые конституируют пространство философского дискурса, так и конфигурацией будущего мироустройства, его экономическими, политическими и культурными приоритетами и доминирующими ценностями.

Сможет ли философия, которая на протяжении более 2,5 тыс. лет является неотъемлемым компонентом цивилизации, сохранить свой прежний статус в этом будущем обществе риска? На данный вопрос нет однозначного ответа. Неслучайно популярный и широко цитируемый в последнее время профессор исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме Ю. Н. Харари в своей недавней публикации в издании *The Guardian* от 20 апреля 2020 г. под названием «Изменит ли коронавирус наше отношение к смерти? Скорее наоборот» заявляет, что по окончании кризиса логично ожидать не значительного увеличения финансирования философских факультетов и, соответственно, популяризации метафизических размышлений о природе смерти, а активной поддержки медицинского образования и системы здравоохранения в целях реального продления человеческой жизни [11]. Правда, затем он несколько корректирует эту точку зрения, призывая к более взвешенным и сбалансированным оценкам роли не только науки и медицины, но и философско-религиозной традиции в понимании сущности столь сложных и многомерных вопросов.

Следовательно, в ситуации культурного и цивилизационного транзита философия призвана решить исконно амбивалентную задачу – остаться атрибутом культуры любой суверенной нации и в то же время обрести новую форму своего существования, соразмерную вызовам времени.

Библиографические ссылки

1. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Левина МИ, Гайденок ПП, составители; Левина МИ, переводчик. 2-е издание. Москва: Республика; 1994. 527 с. (Мыслители XX века).
2. Гуссерль Э. *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука*. Минск: Харвест; 2000. 752 с. (Классическая философская мысль). Совместно с издательством «АСТ».
3. Шпенглер О. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность*. Свасьян КА, переводчик. Москва: Мысль; 1993. 667 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Тертерян И, Матяш Н, составители; Васильева С, Симонов В, Тертерян И, Кротовская Н, Снеткова Н, Трауберг Н и др., переводчики. Москва: Радуга; 1991. 639 с. (Антология литературно-эстетической мысли).
5. Фукуяма Ф. *Великий разрыв*. Александрова АВ, редактор. Москва: АСТ; 2008. 480 с. (Philosophy).
6. Тоффлер Э, Тоффлер Х. *Революционное богатство. Как оно будет создано и как изменит нашу жизнь*. Александрова А, редактор; Султанова М, Цыркун Н, переводчики. Москва: АСТ; 2008. 569 с. (Philosophy). Совместно с издательством «Профиздат».
7. Колодко ГВ. *Мир в движении*. Чайников ЮВ, переводчик. Москва: Магистр; 2011. 575 с.
8. Фукуяма Ф. *Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке*. Колесников ОЭ, Кротовская НГ, Кулагина-Ярцева ВС, переводчики. Москва: АСТ; 2010. 224 с. (Philosophy). Совместно с издательством «ВКТ».
9. Zakaria F. *Ten lessons for a post-pandemic world*. New York: W. W. Norton & Company; 2020. 320 p.
10. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, переводчик. Москва: Academia; 1999. 783 с.
11. Harari YN. Will coronavirus change our attitudes to death? Quite the opposite. *The Guardian* [Internet]. 2020 April 20 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/20/youval-noah-harari-will-coronavirus-change-our-attitudes-to-death-quite-the-opposite>.

References

1. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Levina MI, Gaidenko PP, compilers; Levina MI, translator. 2nd edition. Moscow: Respublika; 1994. 527 p. (Mysliteli XX veka). Russian.
2. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science]. Minsk: Harvest; 2000. 752 p. (Klassicheskaya filosofskaya mysl'). Co-published by the «AST». Russian.
3. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 1. Geshtal't i deistvitel'nost'* [The decline of Europe: essays on the morphology of world history. Volume 1. Gestalt and reality]. Svas'yan KA, translator. Moscow: Mysl'; 1993. 667 p. Russian.
4. Ortega y Gasset J. «*The dehumanization of art*» and other essays on art, culture and literature. Princeton: Princeton University Press; 1968. 204 p.
Russian edition: Ortega y Gasset J. «*Degumanizatsiya iskusstva*» i drugie raboty. *Esse o literature i iskusstve*. Terteryan I, Matyash N, compilers; Vasil'eva S, Simonov V, Terteryan I, Krotovskaya N, Snetkova N, Trauberg N, et al., translators. Moscow: Raduga; 1991. 639 p. (Antologiya literaturno-esteticheskoi mysli).
5. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The great rupture]. Aleksandrova AV, editor. Moscow: AST; 2008. 480 p. Russian.
6. Toffler E, Toffler H. *Revolutionary wealth: how it will be created and how it will change our lives* paperback. Redfern: Currency; 2007. 512 p.
Russian edition: Toffler E, Toffler H. *Revolutsionnoe bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak izmenit nashu zhizn'*. Aleksandrova A, editor; Sultanova M, Tsyркun N, translators. Moscow: AST; 2008. 569 p. Co-published by the «Profizdat».
7. Kolodko GV. *Wedrujacy swiat*. Warsaw: Proszynski; 2011. 440 p.
Russian edition: Kolodko GV. *Mir v dvizhenii*. Chainikov YuV, translator. Moscow: Magistr; 2011. 575 p.
8. Fukuyama F. *State building: governance and world order in the 21st century*. New York: Cornell University Press; 2004. 160 p.
Russian edition: Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke*. Kolesnikov OE, Krotovskaya NG, Kulagina-Yartseva VS, translators. Moscow: AST; 2010. 224 p. Co-published by the «VKT».
9. Zakaria F. *Ten lessons for a post-pandemic world*. New York: W. W. Norton & Company; 2020. 320 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 616 p.
Russian edition: Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya*. Inozemtsev VL, translator. Moscow: Academia; 1999. 783 p.
11. Harari YN. Will coronavirus change our attitudes to death? Quite the opposite. *The Guardian* [Internet]. 2020 April 20 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/20/youval-noah-harari-will-coronavirus-change-our-attitudes-to-death-quite-the-opposite>.

Статья поступила в редакцию 07.07.2021.
Received by editorial board 07.07.2021.